

Этнограф пишет о том, что многим профессиональным исследователям кажется несерьёзной затеей, хобби для чудаков о народной «наивной» поэзии.

Зачем жители северных деревень, безвозвратно их покинувшие ради больших городов, тратят свои силы и время, чтобы создать стихотворные сборники и обязательно передать их на Родину? Эти безыскусные песни кажутся наивными, но их поют и любят.

Не с этого ли начинается Родина?

Михаил Алексе́евский,

фольклорист,
кандидат филологических наук,
заведующий отделом
современного фольклора
Государственного
республиканского центра
русского фольклора,
Москва,
alekseevsky@yandex.ru

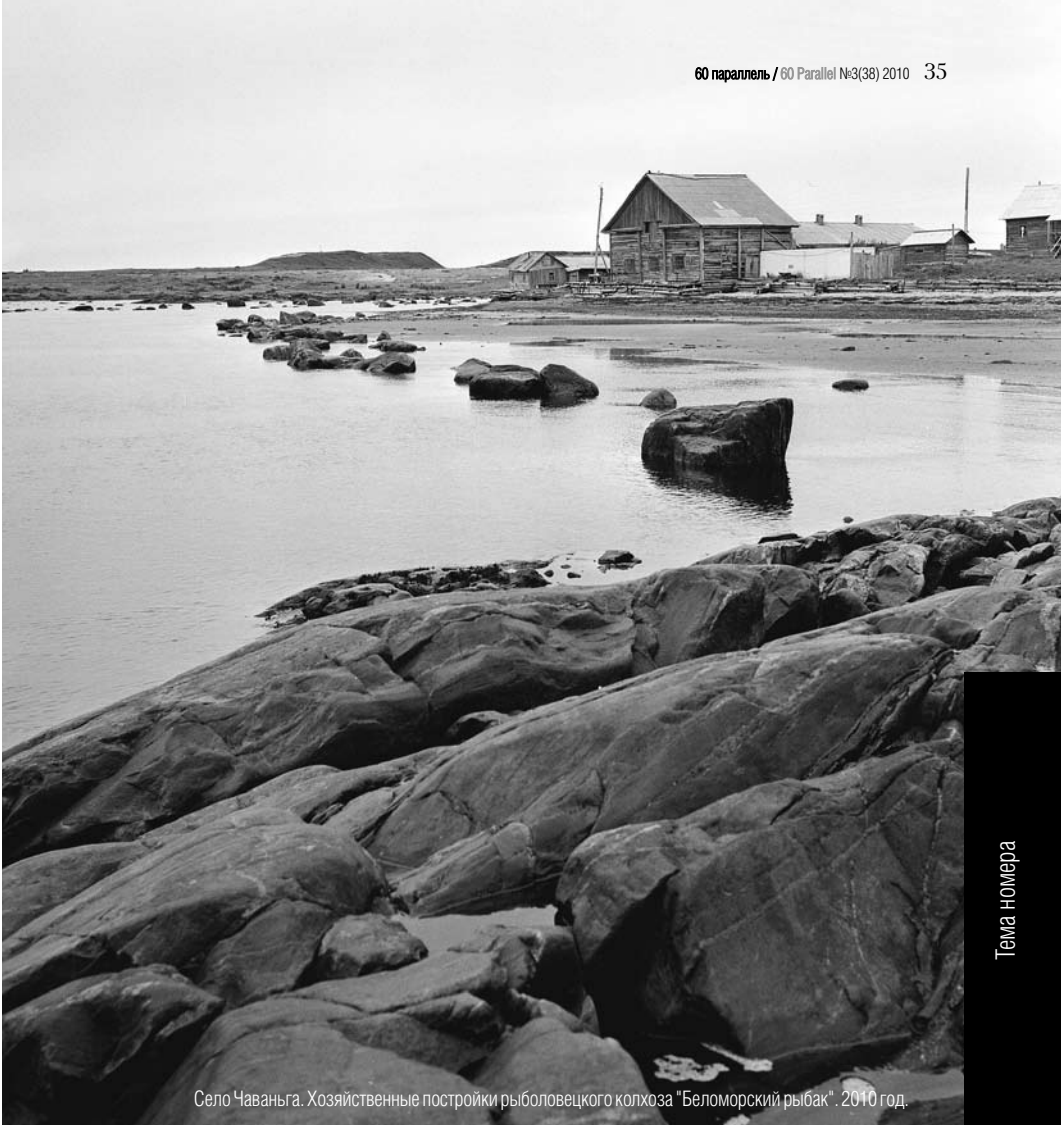
В статье использованы
Фото Алексея Балакина
(Санкт-Петербург)

Поэтическое краеведение

Экспедиционный опыт

Увлечение локальной историей и культурой «родного края» в таком большом государстве, как наше, неизбежно становится угрозой для любых генерализующих идей и идеологий. Разгром отечественного краеведения в конце 1920 — начале 1930 гг. был напрямую связан со становлением тоталитарной государственной идеологии¹: новому советскому человеку не следовало уделять излишнее внимание родному краю, ему предписано было любить огромную «советскую Родину». В свою очередь распад СССР и крах советской идеологии был ознаменован невероятным расцветом

¹ Иванова Т.Г. История российской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 гг. — СПб., 2009. — С. 489-496.

Село Чаванга. Хозяйственные постройки рыболовецкого колхоза "Беломорский рыбак". 2010 год.

регионального краеведения, который продолжается до настоящего времени.

Главной действующей силой краеведения традиционно были не профессионалы, а любители, энтузиасты, «знатоки родного края». Успешность деятельности краеведа мало зависит от оценок историков, зато ключевым её показателем является признание среди жителей того края, о котором он пишет. Собственно, создателями и потребителями краеведческих исследований, прежде всего, являются местные жители, для которых знание о месте жизни и любовь к нему имеют особую ценность.

Опора на локальный патриотизм сближает краеведение с таким, как кажется на первый взгляд, далёким от него

культурным феноменом как наивная поэзия, изучение которого в последнее время привлекает всё большее внимание исследователей². При более детальном рассмотрении становится понятно, что краеведение и наивная поэзия имеют немало общего. И в том, и в другом случае можно говорить о маргинальном статусе этих явлений: наивная поэзия находится на обочине высокой литературы, краеведение — на обочине академической науки. Как наивных поэтов, так и краеведов

² «Наивная литература»: исследования и тексты. — М., 2001. Давыдов Д.М. Русская наивная и примитивистская поэзия: генезис, эволюция, поэтика. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. — Самара, 2004. До и после литературы: Тексты «наивной» словесности. — М., 2009.

Поэтическое краеведение

Экспедиционный опыт

«старшие» коллеги по цеху часто считают «непрофессионалами», поэтому отношение к их работам в значительной степени снисходительное. Наивную поэзию и краеведение объединяет также общее издательское поле: в провинциальных городах к торжественным датам обычно выпускается либо брошюра местного краеведа, либо сборник стихов о родном крае; краеведческие очерки и стихи местных авторов регулярно публикуются в районных газетах. Наконец, можно отметить, что наивная поэзия и краеведение тяготеют друг к другу: подавляющее большинство наивных поэтов пишет стихи о местных достопримечательностях, о знаковых событиях локального масштаба; в свою очередь краеведы

часто стремятся к «поэтизации» своего материала.

С любопытным случаем симбиоза краеведения и наивной поэзии нам довелось столкнуться во время фольклорно-этнографической экспедиции на Терский берег Белого моря, которая была организована отделом народнопоэтического творчества Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН в августе 2008 г. Речь идёт о двух самодельных сборниках стихов, авторами которых являются местные уроженцы — братья Василий и Леонид Стрелковы. На примере их творчества легко проследить, как именно происходит взаимодействие поэтического и краеведческого дискурсов в локальной культуре.

1.

2.

3.

1. Потомственный рыбак Геннадий из с. Чаваньга
2. Сельская библиотека в Чаваньге, где хранится плакат с песней на стихи В.П. Стрелкова.
3. Участники творческого вечера в клубе с. Чаваньга поют песни о родном крае.

Терским берегом называют юго-восточное побережье Кольского полуострова от мыса Святой Нос до реки Варзуги. Основными занятиями местных жителей традиционно были оленеводство, рыболовный и зверобойный промыслы; земледелие здесь развито не было. Почти все жители Терского района Мурманской области в настоящее время проживают в крупных сёлах Умба и Варзуга, расположенных в стороне от моря. Старинные береговые сёла пустеют. Из-за болотистой местности добраться туда можно только по морю или на вертолёте. В двух из таких глухих мест, сёлах Чаваньга и Чапома и работала наша экспедиция. Именно здесь мы встретили самодельные поэтические сборники братьев Стрелковых.

Знакомство с творчеством этих местных поэтов произошло случайно. Целью экспедиции был не только сбор фольклорно-этнографического материала во время интервьюирования местных жителей, но и фотокопирование старинных рукописных сборников (молитвенников, песенников, собраний заговоров), имевших хождение в крестьянской среде. В Чаваньге в гостях у Галины Ниловны Клещёвой (1931 г. р.) участники экспедиции спросили хозяйку, не хранятся ли у неё дома какие-нибудь рукописные тетрадки. Оказалось, что ни молитв, ни заговоров Галина Ниловна не собирала, зато она показала нам самодельный машинописный сборник стихов, который она много лет назад получила в подарок от своего

крёстного Василия Петровича Стрелкова. Сборник показался нам интересным, и мы стали расспрашивать хозяйку о его авторе. Галина Ниловна сказала, что плохо знала Василия Стрелкова, потому что он в юности уехал с Терского берега служить в армии, много лет был военным и лишь иногда во время отпуска навещался на родину. После выхода на пенсию он уехал жить в Геленджик, где и умер несколько лет назад. Дополнительные сведения о жизни Василия Стрелкова Г.Н. Клещёва посоветовала получить у его племянницы Екатерины, которая живёт в Чапоме.

Приехав в Чапому, мы разыскали Екатерину Дмитриевну Стрелкову (1954 г. р.), которая действительно

сообщила интересные подробности о Василии и его семье. Оказалось, что Василий Стрелков родился в многодетной семье в терской деревне Стрельна (14 км от Чапомы). Его брат Александр многие годы был председателем чапомского колхоза «Волна» и стал одним из главных героев документального романа журналиста А.Л. Никитина «Остановка в Чапоме»³, имевшего большой общественный резонанс в годы Перестройки. Ещё один брат Леонид также в юности уехал с Терского берега и большую часть жизни прожил в Минске; он также сочинял стихи, а в 2004 г. прислал Екатерине Дмитриевне сделанный на

³ Никитин А.Л. Остановка в Чапоме. — М., 1990.

Поэтическое краеведение

Экспедиционный опыт

компьютере поэтический сборник, который она любезно разрешила нам скопировать. Так в нашем распоряжении оказались два самодельных сборника стихов братьев, выросших на Терском берегу, однако большую часть жизни проживших вдали от родного края.

Книга Василия Петровича Стрелкова «В стране Тре» набрана на печатной машинке на листах писчей бумаги формата А4 и переплетена четырьмя небольшими верёвочками. На обложке, помимо фамилии автора и названия сборника, имеется подзаголовок «Сборник стихов и фельетонов», а также указаны год и место «издания»: «Белое море. Берег Терский. 1974». К названию сборника есть сноска: «Тре — это древнее название Терского берега». Вообще нельзя не отметить, что автор явно пытался оформить свой сборник как «настоящую книгу»: тут есть не только оформленная «по правилам» обложка, но и оглавление, а также «Словарь к словам, которые помеченные звёздочками», фактически являющийся словарём диалектной лексики, упомянутой в стихах.

Авторское предисловие настолько живописно рассказывает об истории создания сборника, что позволим себе процитировать её целиком: «Я родился на берегу Белого моря, точнее — на Терском берегу, в рыбацком хуторе Стрельне. До призыва в РККА рыбачил на тонях, промышлял тюленя и очень любил обучать брата. Отслужил в СА 20 лет, но снова тянуло меня в родные места. В 1972 году я побывал в ЧапOME, Стрельне и Чаваньге (в последней я не был 10 лет). Мечтал побывать в Варзуге и Умбе, но на этот раз не удалось. Аэропорты раскисли, и я случайной оказией уехал в Архангельск. Пора была осенняя и частично зимняя. Времени предостаточно. Вот я и художничал, сочинял стихи и фельетоны, миниатюры, зарисовки. Получился небольшой сборник, который я и посвящаю своим землякам — рыбакам и оленеводам». Следует добавить, что и после создания сборника автор, судя по всему, не прекращал творческую работу над ним: многие стихотворения содержат элементы редакторской

Вертолётная площадка у с. Чаваньга. Летом вертолёт - главное транспортное средство для местных жителей

правки, причём и чернила, и почерк редактора идентичны с авторским рукописным автографом на первой странице.

Структура сборника позволяет предположить, что он задумывался как своеобразная поэтическая энциклопедия Терского берега. Хотя стихи идут подряд, без разбивки по разделам, очевидно, что они сгруппированы в небольшие тематические блоки, посвящённые тем или иным аспектам жизни местных рыбаков и оленеводов.

Открывает сборник довольно неожиданное в этом контексте стихотворение «День Союза»: Светлый праздник – день Союза! // Не простой союз – стальной! // Праздник Севера и Юга – // Торжествует шар земной⁴. Эти стихи не имеют никакого отношения к Терскому берегу, судя по всему, Василий Стрелков поставил их в начало сборника «для солидности»

⁴ Здесь и далее при цитировании приводятся отдельные четверостишия из стихов Василия и Леонида Стрелковых с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

(подобную функцию в предисловиях к некоторым советским книгам выполняли цитаты из классиков марксизма-ленинизма).

Следующие несколько стихов составляют условный блок «Море и рыбаки», сюда входят такие произведения, как «Рыбак», «Мережка», «Возле моря в шторм», «Ветерок колыхает море», «Морской отлив», «На тоне», «Вот такая бывает пора». В этих стихах романтическое изображение рыбаков, которые «гордятся своим ремеслом», соседствует с поэтическими описаниями разгула морской стихии («Море, открытое море, // Море сегодня штормит. // Пенится грозное поле, // Кипит»). Примыкают к этому блоку стихи о зимней природе («Зима», «Снег», «Вьюга»).

Другой магистральной темой сборника становится животный мир Терского берега: «Два рапшака (тюленёнка, нерпёнка)», «Лиса», «Волк», «Лосёнок». Как правило, в этих стихотворениях описывается, как лирический герой случайно встретился с тем или иным

1.

2.

1. Мария Алексеевна Кузнецова
из с. Чаваньга чистит грибы.

2. Рыбачские лодки у устья реки Чаваньга.

Поэтическое краеведение

Экспедиционный опыт

животным во время прогулок по дикой природе («Лыжи тру оленьим жиром. // В поле сделал первый круг. Что за чудо? Что за диво? // На лыжне лица вдруг»). В том же восторженном ключе выдержаны стихи о лесных ягодах («Вороника», «Черника», «Брусника», «Морошка»).

Как отдельный цикл можно выделить произведения, посвящённые традиционной одежде и обуви жителей Терского берега («Малица», «Яры», «Пимы», «Тобурки», «Каньги»). Так как в большинстве регионов России эти виды одежды неизвестны, Василий Стрелков старается дать их краткое описание и подчеркнуть, как удобно их использовать («Каньги — тапки меховушки // Из оленьих шиты

лап, // По подкладке, на макушке — // Ноги в них огнём горят»).

Этнографический характер имеют также стихи, рассказывающие о местных оленях («Урак», «Вонделка», «Убарэ», «Шаломат», «Важенка»). Если названия традиционной одежды В.П. Стрелков не считает необходимым толковать в своем «Словаре», то в данном случае стихотворные описания ему кажутся недостаточными для непосвящённых читателей. Он не только даёт поэтический портрет того или иного вида оленей («Не обучен убарэ // В хомуте ходить. // Рог спилён за грубость. // Всё равно шалит»), но и даёт краткое толкование в «Словаре» («Убарэ — олень самец на третью зиму»).

К этому циклу примыкают стихи про быт оленеводов («Олени», «Рассказ оленевода», «Петро», «Четверка»), совсем иные по форме. Это уже не своеобразные стихотворные словарные статьи, а скорее — повествования. Наиболее показательно в этом отношении написанное от первого лица стихотворение «Рассказ оленевода», где рассказывается история, случившаяся во время выпаса оленей: три оленевода заметили около стада медведицу с медвежатами, застрелили её, а пять месяцев спустя на этом же месте медведи загрызли у них лучшего оленя, что было воспринято как месть («Старший пастух сказал: “Отомстили. // Моего передового завалили”»). К стихотворению автором дано примечание:

«Рассказал Немчинов, п. Чапома», указывающее на то, что в основе стихотворения лежат реальные события. Автор был внимателен к жизни сельчан: не только рыбаков и оленеводов, но и тех, кто работал на местных производствах, о чём говорят нам стихи «На звероферме», «В цеху по обработке пушнины» и «МТФ» (молочно-товарная ферма).

Ближе к концу сборника сгруппированы стихотворения, каждое из которых имеет подзаголовок «Фельетон». Все они написаны под сильным влиянием советской поэтической сатиры, а объектами критики становятся пороки местных жителей: пьянство («Зюзя», «Ермолай», «Шавуны»), сквернословие («Что это за речи?») и, что неожиданно, неумение

которых утверждает, что на Терском берегу строить дороги по техническим причинам невозможно, а другой объясняет, что у него есть неожиданные идеи по этому поводу: «Речь ведёшь ты о шоссе, // О дороге грунтовой. // Я же мыслю о железной — // О дороге подвесной. Затем идёт краткое обоснование необходимости развития транспортного сообщения между сёлами Терского берега, после чего следует подробное описание того, как изменилась жизнь местных жителей после того, как подвесная железная дорога была построена: на берегу Пирьей губы раскинулся новый красивый город Терск («Белый мрамор золочёный, // Берег бухты взят в гранит»), сотни туристов прибывают туда на теплоходе

мужчин готовить («Печь»). В фельетонах В.П. Стрелкова ироническое изображение непутёвых героев (например, «шавунов», то есть пьяниц) соседствует с прямолинейными призывами к борьбе с пороками («Шавуны! Да, есть такие! // Ходят, клячат по сто грамм. // Где же гордость? Некрасиво! // Бой объявим шавунам»).

На общем фоне поэзии В.П. Стрелкова заметно выделяются стихи «Мечта о ТПЖД», где речь идёт не о прошлом, а о потенциальном будущем Терского берега. Судя по содержанию стихотворения, аббревиатура ТПЖД должна расшифровываться как «Терская подвесная железная дорога». Начинается произведение с реплик двух собеседников, один из

и отправляются путешествовать по местным сёлам на подвесном поезде («Мчимся мы над Терской тундрой // Без колёс и без крыла. // Слева: прутьики, берёзки; // Справа: берег. Бьёт волна»); при этом указываются основные достопримечательности каждого населённого пункта («Стоп. Здесь Чаваньга. Туристы // Пьют из крынок молоко. // Здесь коров считай полтыщи. // Это знатное село»). Хотя лобому, кто минимально знаком с Терским берегом, смелые «мечты» автора кажутся до абсурдности фантастическими, нельзя не признать, что в них есть своё обаяние.

Наконец, по всему сборнику разбросаны стихи о сёлах Терского берега («Чапома», «Чаваньга», «Стрельня»,

«В колхозе “Беломорский рыбак”»), часть из которых оформлена как песни с припевом и куплетами. О них мы подробно поговорим чуть позже.

Сборник Леонида Стрелкова, брата Василия, сделан из сложенных пополам листов формата А4, соединённых тетрадными скрепками. На обложке — ксерокопия фотографии автора, его имя, название сборника «Стихи разных лет» и выходные данные: «Минск, 1998 год». Вместо предисловия используется вырезка «Об авторе» из газеты или журнала, где были опубликованы его стихи: «Уроженец деревни Стрельна, что в Мурманской области, у самого Белого моря. После армейской службы Леониду Петровичу

Поэтическое краеведение

Экспедиционный опыт

Минск стал родным домом. С недавнего времени работает на Минском моторном заводе слесарем-инструментальщиком. 57 лет». Каждая страница книги украшена вклеенными и раскрашенными вручную картинками из газет, журналов, открыток, фотографий.

В отличие от брата, Леонид Стрелков чётко структурирует свою книгу. Первый раздел имеет название «Поэмы о любви» и включает преимущественно любовную лирику, второй раздел не имеет названия, но заметно, что в него собраны стихи про родной край, третий раздел также остался без заголовка, туда попали самые разные произведения: от поэтической зарисовки «Гроза» до антиалкогольной сатиры «Купите талон у меня».

1. Колхозное рыболовецкое судно на берегу моря у с. Чапома. Белое море.
2. Старинные поморские качели в с. Чаваньга.

Знакомство со сборником показывает, что Леонид Стрелков был не чужд поэтическим экспериментам (например, он написал поэму «13», где в каждой строке ровно 13 букв), однако стихи в разделе про родной край написаны нарочито традиционно. Открывается он стихотворением «Край мой родной», где лирический герой грустит о том, что давно не ездил из Минска на Терский берег навестить родственников», затем следуют две песни: «Королева Севера» (про морошку) и «Беломорская» (про чапомский колхоз «Волна»), а также стихотворение «Поморы» про рыбаков. Продолжает цикл довольно неожиданный стих «Рыбка золотая» о том, куда в разные исторические эпохи попадала

выловленная поморскими рыбаками сёмга («Союз на Перестройке, съездов череда, // Там рыбка золотая прописку обрела»). Завершают раздел стихи про шторм «Под девятое ребро» и стилизованная под фольклор «Колыбельная».

Стихи братьев Леонида и Василия Стрелковых написаны в разные эпохи, в разных регионах; у каждого из этих поэтов своя творческая манера (один выбирает поэтизацию повседневности, другой тяготеет к историко-политическим обобщениям), однако их творчество и в тематическом, и в поэтическом отношении очень созвучно. Объединяет их и то, что оба брата, давно уехавшие с Терского берега, сочли необходимым подарить свои сборники, которые,

Поэтическое краеведение

Экспедиционный опыт

вероятно, существуют в единственных экземплярах, своим землякам. Вероятно, они считали, что читателями этих стихов должны быть именно местные жители. Но в какой степени этот посыл оправдался? Оценили ли беломорские рыбаки и оленеводы эту поэзию?..

Во время экспедиции в Чаваньгу и Чапому мы хотели максимально полно зафиксировать современную песенную традицию, для чего организовывали в местных клубах творческие вечера. За большим столом с чаем и сладостями собирались местные жители, вспоминали прежнюю жизнь и пели свои любимые песни, как фольклорные, так и массовые советские, преимущественно про Север («Я люблю моё Заполярье», «Нарьян-Мар мой, Нарьян-Мар...» и др.). С особым чувством пели про местные деревни («Чаваньга», «Чапوما», «Беломорская», «Стрельна»). Стоит ли говорить, что все они были написаны на слова стихов Василия и Леонида Стрелковых?

Песенная форма позволила творчеству братьев достичь «народной» популярности, через много лет после создания эти стихи продолжают оставаться актуальными и любимыми на Терском берегу, объединяют его жителей, переживающих сейчас не самые лучшие времена. Эти песни становятся своего рода коллективным творчеством, племянница братьев Е.Д. Стрелкова рассказала нам, что участвовала в написании музыки на стихи своих родственников: «Дядя Вася написал песню про Чапому, а дядя Лёня написал “Беломорскую песню” и “Королева Севера” про морошку. Ну а музыку мы здесь придумывали сами уже».

Судя по всему, местные жители дорабатывают по собственному вкусу и тексты песен. Вот пример трансформации песни про Чаваньгу. В сборнике В.П. Стрелкова стихотворение «В колхозе “Беломорский рыбак”», посвящённое рыбакам из Чаваньги, поэтично описывает процесс рыбной ловли: сети названы автором «подводным храмом», сообщается, что сёмга туда заплывает, потому что «Посейдон ей так велит».

Ничто в тексте не указывает на то, что стихотворение задумано как песня.

В библиотеке села Чаваньга мы обнаружили самодельный плакат, где переделанный текст этого стихотворения обозначен уже как песня В.П. Стрелкова «Чаваньга». В этом варианте сравнение сетей с «подводным храмом» отсутствует, а чужеземный «Посейдон» патриотично заменён на «Беломора». Кроме того, к тексту стихотворения добавлен припев, отсутствующий в сборнике: «Чаваньга! Чаваньга! // Рыбколхозное село! // Кто женился в Чаваньге, // Тем, конечно, повезло». Не исключено, что этот припев был досочинён позже самим В.П. Стрелковым, который под тем, «кто женился в Чаваньге», подразумевал кого-то из своих знакомых. Однако местных жителей такой вариант припева, видимо, не устраивал, поскольку прямо на плакате слово «женился» зачёркнуто, а вместо него написано слово «родился». В результате этого редактирования патриотический пафос припева смогли

почувствовать все жители Чаваньги, а не только те немногие, кто переехал туда после свадьбы. Именно в таком варианте мы и слышали многократно эту песню от местных жителей.

Пример поэтических сборников братьев Стрелковых показывает, что локальный патриотизм является мощным творческим стимулом даже для тех, кто давно покинул родные края. В такого рода поэзии акцент часто делается на культурных доминантах местного локального текста (в данном случае это рыболовство, оленеводство, Белое море, суровая северная природа и т. д.). Стремясь максимально точно передать многообразие знаковых явлений, связанных с малой Родиной, наивные поэты порой начинают выступать в качестве краеведов, создающих «поэтические энциклопедии» родной земли. В свою очередь именно стихи о родном крае чаще всего находят отклик у местных читателей, порой пропеваемые как песни становятся истинно народными.

Устье реки Чапома